

стоянию моей психологии собирателя на то время (ценителя переводов, а не переплётов), я поспешил избавиться от него, оставившего мне воспоминания и размышления, с которыми, как мне представилось, будет интересно поделиться с будущими читателями.

Уфимские покупки

К сороковым-пятидесятым годам XX века, начальным годам моего собирательства относятся несколько случаев, связанных с покупкой старых книг, о которых мне хотелось бы рассказать.

Романтика книжного собирательства, чаще всего, начинается с процесса покупки книг, причём наиболее интересным и увлекательным бывает этот процесс не на полках букинистических магазинов, а в нетрадиционных случаях, на рынках, при встречах с незнакомыми людьми, непосредственно в местах нахождения книг, тебе ещё неизвестно каких, в квартирах, дачах, а, иногда, и просто на улицах. О некоторых, наиболее памятных случаях, мне хотелось бы поделиться с читателями.

В городах, где не была организована букинистическая торговля, а таких в России было большинство (за исключением Москвы и С.-Петербурга), население, желающее продать старые книги, вынуждено было это делать на рынках, или просто разложив продаваемые книги на улицах, желательнее наиболее многолюдных.

В конце сороковых годов мне приходилось много времени проводить в г. Уфе. Это старинный губерн-

ский город, поэтому там должен был быть определённый слой интеллигенции, основных читателей книг в дореволюционное время. Видимо, поэтому на рынке старых вещей, что в обиходе называлось «толкучкой», был специальный угол, где желающие продавать книги раскладывали их прямо на земле, подстелив какие-нибудь старые газеты. Каждый раз, бывая в Уфе, я обязательно посещал эти места. В те годы я подбирал собрания сочинений русских и иностранных писателей и искал определённые тома, которых не хватало в моём подборе. В одном случае, спрашивая каждого, который продавал книги, нет ли у него, может быть, дома той или иной книги; одна женщина мне ответила утвердительно, взволновав моё собирательское сердце.

Мне очень нравились (да и сейчас тоже) произведения француза Оноре де Бальзака. В послевоенные годы единственным собранием этого писателя в современных переводах было двадцатитомное, у книголюбов оно называлось «зелёным» по цвету переплётов, собрание сочинений, изданное малым, даже для того времени, 10-ти тысячным тиражом. 16 томов вышли до войны, а 4 тома — после войны. Когда я только начал подбирать это собрание, бывалые знатоки меня предупредили, что самый редкий том — № 10 с романом «Блеск и нищета куртизанок». В то время мне ещё не пришлось прочитать много произведений этого замечательного романиста, но один из основополагающих романов «Человеческой комедии», этой многотомной эпопеи — «Утраченные иллюзии», — я прочитал, так как он был выпущен в томе, вышедшем

после войны и был легко покупаем. Я пишу об этом, чтобы кто-нибудь разделил мой энтузиазм, когда я знал, что 10й том самый редкий, и в нём роман, представляющий продолжение «Утраченных иллюзий», а женщина на рынке сказала мне, что у неё дома есть эта книга, и она охотно её продаст мне. Сообщив мне свой адрес, она сказала, что будет дома после восьми часов. Я знал, что данный мне адрес, мягко говоря, не в знакомом центре города, а подальше, сначала трамваем, потом пешком. Дело было в середине января, мороз был сильным — ниже 20о. И вот в малознакомом городе, плохо освещённом, в мороз, я отправился за «Блеском и нищетой куртизанок». На дорогу у меня ушло часа полтора, зато, когда я замёрзший, нашёл, наконец, свою цель, меня ждал горячий чай с вареньем, приодетая в довольно старомодное, но занятное платье, женщина. Но когда я спросил, а где же книга, то шаловливый ответ, что «неужели живая куртизанка менее интересна, чем книжная», чуть не привёл меня к какому-либо серьёзному преступлению. Не став пить чай, я немедленно отправился в обратный путь, проклиная романтику книжных поисков. Тем не менее, теперь эту женщину я вспоминаю с большим теплом. Ведь без неё у меня не было бы этого приключения.

Второй уфимский случай произошёл в жаркий июльский день. Продавая на рынке (продуктовом) стакан каких-то ягод, кажется, черники, продавец — пожилая женщина — на моих глазах отрывает от стопы каких-то книг без переплёта страницу или две, чтобы сделать мне кулёк для ягод; я вижу

напечатанный текст знакомым шрифтом, характерным для изданий, выпущенных издательством П. П. Сойкина до революции. По одной странице автора текста книги определить не удалось, но когда я попросил продавщицу дать мне в руки побольше страниц из стопки, которая стояла рядом с ней, то определить авторство Майн-Рида, тем более, что в стопке оказались и титульные листы романов, не составляло труда. Я тотчас предложил продать мне все имеющиеся у неё страницы. Она отказалась. «А во что я буду насыпать ягоды?» — был её ответ. Тогда я предложил обмен. Очень много старых газет на стопку страниц, оказавшихся почти 33мя выпусками из 40, которые представляли полное собрание романов Майн-Рида, изд. П. П. Сойкина, в виде приложения к журналу «Природа и люди». Обмен был совершён к взаимной радости. Я потом долгие годы добирал недостающие выпуски, переплёл в 10 томов и несколько лет обладал таким собранием, пока не уступил более страстному любителю приключенческой литературы. Кстати, собрание было неплохо иллюстрировано.

Мой Стендаль

Наверное, у каждого книголюба-собирателя есть находки (отдельные книги или серии книг), которые каким-либо удивительным образом встраиваются в ткань его жизни, т. е. отдельные поступки оказываются продиктованными обстоятельствами, связанными с собиранием и наличием тех или иных книг.